

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.36871/hon.202301103

Л. ТОЛСТОЙ И А. ПЛАТОНОВ: БЕСПОЩАДНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ВЕРА В ЧЕЛОВЕКА

Ольга Михайловна Кириллина

Российская государственная специализированная академия искусств
121165, Российская Федерация, Москва, Резервный проезд, 12

kirillinao@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0152-9665

В мироощущении и творческой манере Л. Толстого и А. Платонова есть общие существенные черты: очень личное восприятие экзистенциальных вопросов, вплоть до отчаяния и мыслей о самоубийстве, суровость их приговоров своим героям, отказ от творчества во имя практической деятельности. Одной из центральных в их творчестве является тема смерти, преодоления человеком законов природы. Для Толстого эта тема связана с размышлениями о проблемах высших слоев общества: о подсознательных страхах, об ощущении бессмысленности их существования как о расплате за их образ жизни. Для Платонова смерть — это высшая несправедливость, самый жадный буржуй, лишаящий людей главного — любимого человека. Им обоим присуще утопическое мышление. Несмотря на существенные расхождения в представлениях об идеальном будущем для человечества, обоих писателей объединяла уверенность в том, что люди смогут в конце концов преодолеть диктат смерти. Мечты их кажутся фантастичными, но оба писателя не отказывались от них, потому что верили в человека, в его потенциал, в его глубинную чистоту, бескорыстность. Между ними состоялся не прямой, но насыщенный диалог, открывающий новые грани в творчестве Толстого и Платонова.

Ключевые слова: творческий диалог, образ конформиста, самоубийство как финал, тема воспитания, борьба с природой, преодоление смерти

Для цитирования: Кириллина О. М. Л. Толстой и А. Платонов: беспощадная справедливость и вера в человека // Художественное образование и наука. 2023. № 1 (34). С. 103–111. <https://doi.org/10.36871/hon.202301103>

Original article

L. TOLSTOY AND A. PLATONOV: MERCILESS JUSTICE AND FAITH IN MAN

Olga M. Kirillina

Russian State Specialized Academy of Arts
12 Rezervny pr., Moscow, 121165, Russian Federation

kirillinao@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0152-9665

Both Tolstoy's and Platonov's worldview and creative manner have much in common: a very personal perception of existential issues, up to despair and thoughts of suicide, the scale of the problems they are interested in, the severity of their verdicts on their heroes, the rejection of creativity in the name of practical activity. One of the central themes in their work is death, man's overcoming of the laws of nature. For Tolstoy, this topic relates to reflections on the problems of the higher strata of society: the subconscious fears, the feeling of meaninglessness

© Кириллина О. М., 2023

of their existence as the price to pay for their way of life. For Platonov, death is the highest injustice, the greediest bourgeois, depriving people of the main thing — the person they love. Both are characterized by utopian thinking. Despite significant differences in ideas about an ideal future for humanity, they were united by the belief that people can eventually overcome the dictates of death. Their dreams seem fantastic, but they did not give up on them, because they believed in man, in his potential, in his innermost purity and selflessness. An indirect but intense dialogue took place between them, opening up new facets in their work.

Keywords: creative dialogue, image of conformist, suicide as a finale, theme of education, struggle with nature, overcoming death

For citation: Kirillina O. M. L. Tolstoy and A. Platonov: Merciless Justice and Faith in Man. *Khudozhestvennoe obrazovanie i nauka* [Arts Education and Science]. 2023, no. 1 (34), pp. 103–111. <https://doi.org/10.36871/hon.202301103> (In Russian)

Творческий диалог между писателями может складываться на основе различных предпосылок (например, восхищения, подражания, сходства характеров, жизненных обстоятельств или же страха влияния, ревности, конфликта «отцов» и «детей»). Л. Толстого и А. Платонова разделяют время, обстоятельства жизни, взгляды. Платонов писал о борьбе с голодом, а граф Толстой о необходимости простой, здоровой пищи для пресыщенных. Лев Николаевич размышлял об утонченных аристократах, бросающихся под поезд, а Платонов — о машинистах, управляющих поездом. Один призывал к непротивлению злу насилием, другой — к безжалостной борьбе. И все же в их творчестве и судьбе есть существенные параллели, из которых складывается творческий диалог.

Платонов выработал настолько оригинальный, неповторимый язык, а мировосприятие писателя было столь революционным, что его сложно сравнивать с другими авторами. В анкете 1920 года к Всероссийскому съезду пролетарских писателей на вопрос о том, какие писатели оказали на его творчество наибольшее влияние, он ответил кратко и однозначно: «Никакие» [9, 119]. Это был ответ художника, устремленного в будущее, уверенного, что его творческая деятельность выстроится на принципиально иных основаниях, чем у писателей прошлого. Однако в конце 1930-х годов взгляды Платонова изменились, и он опубликовал много критических статей, в которых анализировал наследие прошлого. Толстого он считал одним из «гигантов» [11, 111], «корифеев» [11, 564] русской литературы. И часто рядом ставил имена Пушкина и Толстого. Так, в статье «Герои труда. Кузнец, слесарь и литейщик...» (1920) в списке деятелей искусства, украсивших мир в прошлом, из

писателей он упомянул только этих двух классиков. Пушкин для Платонова был эталоном, к Толстому он относился не столь однозначно. Например, ему не нравились идеализированные образы крестьян в литературе, и в частности, Платон Каратаев [11, 502]. Тем не менее Платонов высоко оценивал пронизательность, реализм Толстого. Более того, в статье «Пушкин и Горький» он выразил мнение, что восприятие Толстым народа, русского общества было более верным, чем у Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, и это было очень смелое заявление, учитывая, что сделано оно в 1937 году. Недаром В. Ермилов, критик, главный редактор «Литературной газеты», в разгромной статье «О вредных взглядах “Литературного критика”» [3, 3] обрушился именно на эту статью Платонова, и в том числе его возмутило то, что писатель подверг сомнению авторитет Белинского, Добролюбова и Чернышевского. Однако современники Платонова и исследователи последних лет редко сравнивали его и с Пушкиным, и с Толстым. Чаще всего они находили сходство с Н. В. Гоголем и Ф. М. Достоевским (например, Е. Д. Толстая-Сегал [19], Л. В. Карасев [4]). Уже М. Горький в 1929 году по поводу романа «Чевенгур» писал Платонову, что в этом произведении он видит сильное сатирическое начало, и сравнил его с Гоголем: «В психике вашей, — как я воспринимаю ее, — есть сродство с Гоголем. Поэтому: испробуйте себя на комедии, а не на драме» [1, 314]. А В. Ермилов в 1947 году клеймил Платонова за «достоевщину» в его произведениях: «Надоела читателю любовь А. Платонова ко всяческой душевной неопрятности, подозрительная страсть к болезненным — в духе самой дурной “достоевщины” — положениям и переживаниям...» [2, 4]. Но Платонов

в своих критических статьях отмечал в творчестве этих писателей абсолютно чуждые ему установки: в Гоголе он не принимал субъективизм, а в Достоевском — отсутствие веры в человека. С Толстым Платонова сравнивают крайне редко, отмечая сходство в их биографии (опыт участия в военных действиях), важность ведения дневников для обоих, острый интерес писателей к теме смерти, схожее понимание сути истинной любви (например, В. Серафимова [16], А. Лысов [5]).

Можно ли говорить о прямом влиянии Л. Толстого на А. Платонова? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно учитывать особое место Льва Николаевича в русской культуре. Безусловно, он относится к тем редким мастерам, которые в силу масштаба таланта и личности влияют так или иначе не только на всех думающих людей своего времени, но и на будущие поколения. А. С. Суворин, известный издатель и друг А. П. Чехова, в 1901 году писал в своем дневнике: «Два царя у нас: Николай II и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой, несомненно, колеблет трон Николая и его династии» [18, 316]. Для кого-то революционер, для кого-то консерватор, а для государства, скорее, анархист, Лев Толстой воспринимался как столь весомая фигура в литературной и общественной жизни, что его мнение невозможно было игнорировать. Несмотря на то что революция внесла серьезные изменения в жизнь страны, и поначалу побеждала жажда нового, идеи Толстого, его жизнь продолжали вызывать живой, пусть и неоднозначный интерес. А в наше время его творчество стало частью не только высокой, но и массовой культуры: произведения Толстого экранизируются, а российские школьники, измученные чтением четырех томов его гениального романа, посвящают ему едкие мемы, например, о том, что Толстой, как и все мы, на 75 % состоит из воды...

Суть своего интереса к Толстому писатели XX века определяли по-разному. К примеру, В. Пелевин посвятил ему роман «*t*» (2009), признав тем самым актуальность проблем, поднятых классиком. Под стрелами постмодернистской критики оказались основополагающие идеи Толстого, и в частности, проект создания искусства, понятного для всех: свой интеллектуальный роман «*t*» писатель попытался «опростить» до уровня боевика, детектива, а толстовские сюжеты превратил в анекдоты. Пелевин в романе демонстрирует интерес и к более тонким, не знакомым широкому чи-

тателю философским идеям Толстого, связанным с его осмыслением буддизма, исихазма.

Иное восприятие Толстого было у В. Набокова. У себя и у классика он находил общие черты в особом внимании к изображению внешнего мира, в избытке чувственных, живых деталей. При этом Набоков отрицал прямое влияние на себя любого предшественника. В письме к Е. А. Малоземовой он высказал мнение, что писателей могут объединять схожие «кровь и нерв»: «Телесная красочность слога, свойственная в различной степени и Бунину, и мне, и Толстому, и Гоголю, зависит главным образом от остроты зрительных и других чувственных восприятий — это есть свойство именно физиологическое (организм Бунина — хрусталик, ноздри, гортань — несомненно лучше устроен, чем, например, организм Достоевского), а не историко-литературное; метод же применения этой природной силы у каждого из названных писателей другой» [8, 389]. Не стесняясь выстраивать свой пьедестал почета для русских классиков, Льву Николаевичу Платонов безоговорочно отдавал первое место, однако о его философских взглядах отзывался свысока, как и многие его читатели, которые ценят в великом классике его талант писателя, но не его идеи, не его религиозные поиски. Крайне редко рассуждая о религии, Набоков в романе «Дар» все-таки обратился к этой теме и использовал для объяснения своей позиции понятие «хозяин», которым Толстой во многих своих произведениях и статьях обозначает свое восприятие Бога (человек — это, прежде всего, смиренный работник главного Хозяина, и труд — один из самых действенных способов служения Ему). Набоков излагает свое кредо емкой, резкой фразой: «Искание Бога: тоска всякого пса по хозяину; дайте мне начальника, и я поклонюсь ему в огромные ноги. Все это земное. Отец, директор гимназии, ректор, хозяин предприятия, царь, Бог» [7, 278].

Между Толстым и Платоновым есть сходство на уровне темперамента, болевых точек, особого философского склада ума. Оба они считали, что мир нуждается в кардинальных изменениях, оба были крайне требовательны к себе и к окружающим. С раздражением описывали они людей середины, плывущих по течению, не мучимых сомнениями, самодовольных. В «Анне Карениной» Толстой с язвительной иронией писал об умеренном либерале Стиве Облонском: «Степан Аркадьич не избирал ни направления, ни взглядов, а эти направления и взгляды сами при-

ходили к нему... Он предпочитал либеральное направление консервативному, какого держались тоже многие из его круга... потому, что оно подходило ближе к его образу жизни. Либеральная партия говорила, что в России все скверно, и действительно, у Степана Аркадьича долгов было много, а денег решительно не доставало. Либеральная партия говорила, что брак есть отжившее учреждение..., и действительно, семейная жизнь доставляла мало удовольствия Степану Аркадьичу...» [20, 13]. Образ конформиста встречается и в дневниках Платонова: «Человек то верит в социализм, то нет. Он в доме отдыха: он верит, он в восторге, он пишет манифест радости; в поезде сломалась рессора, пассажиры набздели, — он не верит, он ожесточается, и т. д. — и так живет» [15, 108]. Отношение к марксизму «цепкого» Прошки из «Чевенгура» чем-то напоминает позицию либерала Стивы: «Прокофий, имевший все сочинения Карла Маркса для личного употребления, формулировал всю революцию как хотел — в зависимости от настроения Клавдюши и объективной обстановки» [12, 389].

Платонову претили советские граждане образцового поведения, неунывающие, довольные жизнью: «Днем — рабочий, вечером артист Трама, в беседе — культурный человек, ясный, блестящий, ночью эмоциональный любовник; и все же — это несколько не социалист, вернее — не коммунист, это жизнерадостный жирунчик» [15, 97]. Толстой отвергал сытую и спокойную жизнь, о чем писал своей тетушке и другу А. А. Толстой в 1857 году: «Мне смешно вспомнить, как я думывал..., что можно себе устроить счастливый и честный мирок, в котором спокойно, без ошибок, без раскаянья, без путаницы жить себе потихоньку и делать не торопясь, аккуратно все только хорошее. Смешно! Нельзя... Чтоб жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать, и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие — душевная подлость» [22, 492]. В последний год своей жизни, вспомнив это письмо, он еще раз подтвердил в дневнике: «Одно о том, что жизнь — труд, борьба, ошибки — такое, что теперь ничего бы не сказал другого» [21, 369]. Для Платонова, как и для Толстого, настоящая жизнь — это борьба, и даже в его идеальном мире будущего человек должен был обрести не спокойствие, сытость, а возможность максимальной самореализации: «Жизнь хороша до разрыва

сердца, человек напряжен до крайности, но нет блаженной скотской гармонии» [11, 634].

Толстой и Платонов считали, что их идеи не должны оставаться на бумаге в виде красивых рассуждений, — они воплощали их в конкретной деятельности. Толстой практически отказался от творчества в пользу проповеди, придя к выводу, что высокое искусство, раздражая нервную систему, пробуждая чувственность, приносит больше вреда, чем пользы. Он страдал, когда не мог перебороть искушение и предавался творческим восторгам, о чем вспоминал один из самых его близких друзей, П. И. Бирюков: «...я попросил его припомнить обстоятельства его последнего путешествия в Оптину пустынь... Совсем сконфузившись, шепотом... и вместе с тем с заблестевшими глазами, он сказал: “Я писал «Хаджи-Мурата»”. Это было сказано тем тоном..., каким школьник рассказывает своему товарищу, что он съел пирожное. Он вспоминает испытанное наслаждение и стыдится признаться в нем» [17, 118]. Создание «Азбуки» и рассказов для детей («Русские книги для чтения») Толстой считал не менее важным делом, чем создание «высокой» литературы: в письме помещику и литератору-любителю Е. В. Львову (29 февраля 1876 года) он признался, что рассказы для детей переделывал по десять раз, чтобы выработать ясный, нефальшивый стиль.

Платонов в самом начале своего творческого пути, в 1920-е годы, практически отказался от творчества в пользу практической деятельности в качестве инженера и ради работы в газетах. В 1926 году он написал статью «Фабрика литературы (О коренном улучшении способов литературного творчества)», в которой представил проект создания «полезных» литературных произведений в результате коллективной работы. Платонов утверждал, что писатель ради большей эффективности и качества произведений должен поступиться авторскими амбициями, превратиться в «монтера, сборщика произведений» [11, 55], которому богатый и объективный жизненный материал должны поставлять помощники-литкоры. Платонов воспринимал искусство как инструмент, а автора как талантливое посредника, который выражает лучшие мысли и желания собственного народа. Он утверждал [11], что наиболее точно Пушкин выразил значение поэзии в стихотворении «Пророк»: поэт выступает в нем в жертвенной роли как тот, кто способен соединить в себе энергию мыслей и чувств многих людей.

Толстой и Платонов были требовательны к своим героям и читателям, как и к себе, и беспощадно справедливы. В повести «Хозяин и работник», описывая мертвое тело купца Брехунова, Толстой использует слова «мороженая туша» [23, 340]. Многих читателей, успевших проникнуться сочувствием к купцу, спасшему своего работника, такой взгляд на мертвого сбивает с толку. С одной стороны, таким грубым определением писатель-проповедник подчеркивает, что земная жизнь, успехи купца, его холеное тело ничто по сравнению с красотой его проснувшейся души. Но в этих словах Толстого проявляется также его понимание справедливости, ведь сам Брехунов именно такие слова использует, когда вспоминает о погибшем в метели человеке.

Не менее суровые приговоры выносил своим героям Платонов. Сложно воспринимать жестокий финал его повести «Елифанские шлюзы» (1927), и это прекрасно понимал сам писатель, о чем писал жене: «Петр казнит строителя шлюзов Перри в пыточной башне в странных условиях. Палач — гомосексуалист. Тебе это не нравится. Но так нужно» [13, 203]. Именно такая форма казни напоминает о том насилии над природой, которое Бертран Перри совершил, когда решил пробурить ключ озера широкой трубой, чтобы оно давало больше воды шлюзам, а в результате уничтожил его. Безусловно, выбрав такой способ казни, Платонов подчеркнул беспощадность власти, но о степени его собственного неприятия такого стиля управления судить сложно, потому что он и сам был деспотичным руководителем. В 1920-е годы, занимаясь мелиорацией и электрификацией, он требовал от подчиненных той же самоотдачи, с какой сам занимался делом. В то время, когда он писал повесть, Платонов так характеризовал свой стиль работы: «Я многих оставил без работы и, вероятно, без куска хлеба. Но я действовал разумно и как чистый строитель. А была грязь, безобразия, лодырничество, нашептыванье. Я сильно оздоровил воздух. Меня здесь долго будут помнить как зверя и жестокого человека» [14, 211].

И Толстой, и Платонов свои романы могли закончить самоубийством главного героя («Анна Каренина», «Чевенгур»), хотя для такого жанра подобный финал слишком тяжел. Читая большое по объему произведение, сложно не сопереживать главному герою, а его самоубийство означает, что, пройдя долгий путь, он зашел в тупик, тотально проиграл. Даже трагическая преждевремен-

ная смерть главного героя не столь тяжела для восприятия, потому что гибель в борьбе подчеркивает силу его характера.

Каким бы жестким ни был взгляд Толстого и Платонова на своих героев, в их произведениях ощущается вера обоих писателей в человека. Их отношение к своим героям можно сравнить со взглядом любящего, но сурового отца, который требователен, потому что верит в своего ребенка. Они считали, что если избавить людей от искушений современного общества, освободить от заблуждений прошлого, то в глубине их души обнаружится чистая, прекрасная сердцевина. Главной потребностью человека они считали жажду любви, единения с другими. На этой вере в человека была основана убежденность обоих в том, что возможно построить идеальное общество, в котором люди без принуждения будут жить по закону справедливости.

Толстой и Платонов конечной целью человечества считали победу над смертью. Правда, в молодости мечтания Толстого были куда более скромными. Скорее, это были добрые намерения совестливого человека, хорошего барина, как у героя его ранней и автобиографичной повести «Утро помещика» (1856). Разочарование в первых неудачных попытках жить правильно только усилило его духовную жажду. Вопрос о смысле жизни стал для Толстого очень личным: невозможность найти иное обоснование жизни, кроме биологического, доводила его до отчаяния, вплоть до мыслей о самоубийстве. Он не мог найти утешение в религии, так как понимал, что наивный, не сомневающийся взгляд на мир верующего человека ему недоступен. Но и разум, ответы мудрецов и ученых, не могли удовлетворить его. Анну Каренину к самоубийству подталкивают разумные доводы и отсутствие веры в высший смысл жизни: «...не могу придумать положения, в котором жизнь не была бы мученьем, что все мы созданы затем, чтобы мучаться, и что мы все знаем это и все придумываем средства, как бы обмануть себя. А когда видишь правду, что же делать? ... Избавиться от того, что беспокоит... и на то дан разум, чтоб избавиться; стало быть, надо избавиться» [20, 362]. Толстой считал, что жизнь образованных, знатных людей — это бегство от страха смерти, который, как считал писатель, осознанно или нет угнетает их всех. Но простые люди этого страха не знают, потому что имеют веру в жизнь вечную, и он понял, что без веры не сможет преодолеть свое отчаяние. Толстой задался вопросом, есть ли в этом мире что-то

нетленное, нематериальное, что противоречит законам природы. И нашел ответ: это, по его мнению, необъяснимая с точки зрения природной необходимости и логики способность и потребность человека бескорыстно любить, прощать. И эту жажду любить он считал истинным чудом, через которое Бог проявляет себя. Начиная с 1880-х годов, практически все произведения Толстого стали своеобразными духовными путеводителями: это или, как в повести «Отец Сергей», история долгого пути героя к осознанию того, что его тщеславие — главная преграда к истинной, божественной любви; или описание внезапного душевного переворота в катастрофической ситуации, как в «Хозяине и работнике». Толстой считал, что человека заставляет задуматься о вечном столкновение со смертью: в «Смерти Ивана Ильича» это болезнь героя, в «Крейцеровой сонате» — убийство. Однако Толстой считал, что правильнее искать не пути возрождения, а истоки заблуждений современного человека. Дети, считал он, изначально чисты, они руководствуются нравственным чутьем, своей жаждой любви, а общество дает им оторванные от жизни знания в школах, навязывает свою мораль, отрывая от источника истинного и самого нужного знания о том, что такое хорошо и что такое плохо («О народном образовании», 1874). На этом убеждении основывался его призыв вернуться к простой жизни, отказаться от технических достижений цивилизации, которые невозможны без эксплуатации, и сосредоточиться на духовном, внутреннем прогрессе человека. И в конце концов, из убеждения, что служить надо одному Хозяину, то есть вечному, духовному началу («Богу или маммоне?», 1896; «Путь жизни», 1911), следовал вывод о необходимости воздержания. Борьба с плотским искушением в радикальных формах, в частности скопчество, отвергались Толстым (например, в письме к его знакомому, скопцу Г. П. Меньшенину от 31 декабря 1897 года). Однако Позднышев, главный герой повести «Крейцера соната», свои сверхрадикальные идеи аргументирует очень убедительно: жизнь физическая — это не истинная ценность, а несчастная необходимость на пути к главной, духовной, цели, и если все человечество познает любовь истинную, оно может себе позволить отказаться от любви плотской, от продолжения рода человеческого.

Платонов, как и Толстой, считал, что внутри человека есть вечное, мощное начало, но трактовал он суть этой силы иначе и рассуждал о ней на языке науки. Он считал, что ду-

шевная щедрость, способность к самопожертвованию — это один из видов энергии: не все в человеке направлено на выживание, есть еще и переизбыток, который, если люди объединятся, может быть направлен на изменение мира и даже законов природы. Молодость его совпала с революционными событиями, и мечты его были смелыми и грандиозными: он верил, что люди с помощью науки и объединенных усилий смогут победить смерть, воскресить мертвых. В молодости Платонов утверждал, что не боится умереть. Страх смерти у Толстого он считал проявлением эгоизма: «Пушкин никогда не боялся смерти, он не имеет этого специфического эгоизма (в противоположность Л. Толстому)» [11, 83]. Однако смерть Платонов тем не менее считал главным врагом человечества, потому что она хуже самого жадного буржуа: она отбирает у человека самое дорогое — тех, кого он любит.

В одном из ранних рассказов Платонова, утопии «Потомки солнца» (1922), предстает мир будущего, в котором живут иные люди, талантливые и жертвенные. Самый гениальный инженер и ученый возглавляет работы по пересотворению мира: он хочет взорвать существующий, потому что в нем над человеком одерживает победу смерть. Новая Вселенная будет функционировать по иным физическим законам. Инженер не жалеет себя, людей, этот мир, но при этом он обладает сверхчувствительным сердцем: когда-то он впал в отчаяние после смерти любимой, и невероятная энергия страдания преобразовалась в энергию ненависти, способную разрушить этот несправедливый мир во имя мечты в возможность появления нового, совершенного. Платонов считал, что революция — это шанс, полностью разрушив строе, построить что-то принципиально новое, и верил, что люди этим шансом обязательно воспользуются. Однако Платонову пришлось наблюдать, как рушатся его мечты, как замирает энергия революции и на смену мещанам прошлого приходят новые советские обыватели, сытые и вполне довольные собой и жизнью. Он был близок к отчаянию, что особенно ощущается в его письмах и дневниках. В пьесе «Голос отца» сын умершего революционера-инженера борется за кладбище, которое собираются снести, чтобы построить парк культуры и отдыха. Ему противопоставляется советский мещанин, который мечтает работать в этом парке: «Туда-сюда, и день прошел, и не утомился, и деньги заработал, и сыт по горло... — где

пирожок возьмешь, где жамку, где шей похлебаешь... Так и жизнь проживешь — незаметно, а приятно, в полный аппетит, культурно, с удовольствием!» [10, 211] В первые годы революции Платонов верил, что необходимо сосредоточиться на решении практических задач, и считал, что как инженер он более нужен государству, чем как писатель. Но в 1930-е годы он поменял свое мнение, увидев, что «человек меняется медленнее, чем он меняет мир» [11, 642–643]. Платонов осознал важность воспитания нового человека и уже иначе, максимально серьезно, стал относиться к своей миссии инженера человеческих душ. Он продолжал заниматься творчеством, несмотря на травлю в газетах и на то, что многие его произведения не печатались по цензурным соображениям. Во время Великой Отечественной войны Платонов, работая военным корреспондентом, вновь ощутил силу народа, поверил в безграничные силы человека. В рассказах и эссе военных лет он возвратился к своим идеям первых лет революции о победе над природой, смертью, о важной роли инженерной мысли в борьбе с врагом, о беспощадном уничтожении сил, пытающихся разрушить мечту человека построить мир, в котором людьми будет руководить сердце, а не расчет.

В творчестве Толстого и Платонова можно выделить общие мотивы, которые связаны с их размышлениями о жизни и смерти, о воспитании человека, о роли искусства. В восприятии обоих смерть — главное оружие природы, которому может противостоять человек, если им руководит духовная жажда. Оба они верили, что кардинальное изменение условий жизни приведет человечество к победе над смертью, хотя понимали суть этой победы по-разному. Для Толстого цель человечества — это не физическое бессмертие, а абсолютное подчинение человека требованиям духовным, нематериальным, то есть аскетизм. Платонов верил в возможность воскрешения мертвых с помощью науки. Идея Толстого, покинув города, вернуться к естественной, здоровой жизни в деревне, к ручному труду и таким образом к более здоровой, духовной жизни кажется утопичной. Мечты Платонова о победе общества, состоящего из людей-подвижников, вооруженных научными знаниями, над смертью представляются еще более фантастичными. Но Толстой и Платонов в своих мечтах не разуверились, потому что сумели сохранить главное, что внушало им эту веру, — убежденность в том, что человек по своей сути надприроден, чист и нуждается, прежде всего, в другом человеке, в любви.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Горький М.* Письмо А. Платонову. Осень 1929 г. // Горький и писатели. Неизданная переписка. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. 736 с.
2. *Ермилов В. В.* Клеветнический рассказ А. Платонова // Литературная газета. 1947. № 1 (2316) 4 января. С. 4.
3. *Ермилов В. В.* О вредных взглядах «Литературного критика» // Литературная газета. 1939. № 50 (829) 10 сентября. С. 3.
4. *Карасев Л. В.* Онтологическая поэтика (краткий очерк) // Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда. М. : ИФРАН, 2005. С. 91–114.
5. *Лысов А.* Идеалы целостности жизни у А. Платонова и А. Твардовского («Чевенгур», «Страна Муравия») // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества / ред.-сост. Н. В. Корниенко. М. : Наследие, 2005. С. 121–130. Вып. 6.
6. *Михеев М. Ю.* Описание художественного мира А. Платонова по данным языка: дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01. М., 2004. 348 с.
7. *Набоков В. В.* Дар. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 3. М. : Правда, 1990. С. 5–332.
8. *Набоков В. В.* Письмо к Е. А. Малоземовой. Ментона, 22 января 1938 г. // Бабинов А. А. Письмо В. Набокова к Е. Малоземовой // Литературный факт. 2018. № 10. С. 385–392.
9. *Платонов А. П.* «Жить ласково здесь невозможно...»: публикация М. А. Платоновой / вступ. ст. Н. Корниенко // Октябрь. 1999. № 2. С. 119–153.
10. *Платонов А. П.* Голос отца // Дураки на периферии. М. : Время, 2011. С. 205–213.
11. *Платонов А. П.* Фабрика литературы: литературная критика, публицистика. М. : Время, 2011. 718 с.
12. *Платонов А. П.* Чевенгур: роман. Котлован: повесть / под ред. Н. М. Малыгиной. М. : Время, 2011. 608 с.
13. *Платонов А. П.* Письмо М. А. Платоновой. Тамбов. 25 января 1927 г. // «...Я прожил жизнь». Письма. 1920–1950 гг. / сост. и вст. ст. Н. Корниенко. М. : Астрель, 2013. С. 203.
14. *Платонов А. П.* Письмо М. А. Платоновой. Тамбов. 28 января 1927 г. // «...Я прожил

- жизнь». Письма. 1920–1950 гг. / сост. и вст. ст. Н. Корниенко. М. : Астрель, 2013. С. 211.
15. Платонов А. П. (2000) 8-я записная книжка 1931–1932 гг. // Записные книжки: материалы к биографии / сост., подготовка текста, предисл., примеч. Н. Корниенко. М. : ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. С. 94–118.
 16. Серафимова В. Д. Лев Толстой и Андрей Платонов: Россия на переломе эпох. Поэтика. Мотивы. Основные идеи // Cross-Cultural Studies: Education and Science. Вермонт, 2020. Т. 5. № 3. С. 15–31.
 17. Сергеенко А. П. «Хаджи Мурат» Льва Толстого. История создания повести / вступ. ст. и прим. В. А. Ковалева. М. : Современник, 1983. 339 с.
 18. Суворин А. С. Дневник Алексея Сергеевича Суворина. М. : Независимая газета, 2000. 666 с.
 19. Толстая-Сегал Е. Д. «Стихийные силы»: Платонов и Пильняк (1928–1929) // Андрей Платонов: Мир творчества / сост. Н. В. Корниенко, Е. Д. Шубина. М. : Современный писатель, 1994. С. 84–104.
 20. Толстой Л. Н. Анна Каренина. Собрание сочинений : в 22 т. Т. 8. М. : Художественная литература, 1981. С. 7–478.
 21. Толстой Л. Н. Дневники. 7–8 марта 1910 г. Собрание сочинений : в 22 т. Т. 22. М. : Художественная литература, 1985. С. 369.
 22. Толстой Л. Н. Письмо А. А. Толстой. Москва, 18–20? октября 1857 г. Собрание сочинений : в 22 т. Т. 18. М. : Художественная литература, 1984. С. 492.
 23. Толстой Л. Н. Хозяин и работник. Собрание сочинений : в 22 т. Т. 12. М. : Художественная литература, 1982. С. 297–341.
 5. Lysov A. The Ideals of the Integrity of Life in A. Platonov and A. Tvardovsky ("Chevengur", "The Land of Muravia"). *"Strana filosofov" Andrey Platonov: problemy tvorchestva* ["The Land of Philosophers" by Andrey Platonov: Problems of Creativity]. Moscow, 2005, vol. 6, pp. 121–130. (In Russian)
 6. Mikheev M. Yu. Opisaniye khudozhestvennogo mira A. Platonova po dannym yazyka [Description of the Artistic World of A. Platonov according to the Language]. Doctoral dissertation. Moscow, 2004. 348 p. (In Russian)
 7. Nabokov V. V. Collected works : in 4 vol. Vol. 3: Dar [The Gift]. Moscow, 1990, pp. 5–332. (In Russian)
 8. Nabokov V. V. Letter to E. A. Malozemova. Menton, January 22, 1938. *Literaturnyi fakt* [Literary Fact]. 2018, vol. 10, pp. 385–392. (In Russian)
 9. Platonov A. P. "It Is Impossible to Live Tenderly Here...": publication by M. A. Platonova. *Oktyabr'* [October]. 1999, no. 2, pp. 119–153. (In Russian)
 10. Platonov A. P. Father's Voice. *Duraki na periferii* [Fools on the Periphery]. Moscow, 2011, pp. 205–213. (In Russian)
 11. Platonov A. P. Fabrika literatury: literaturnaya kritika, publitsistika [The Factory of Literature: Literary Criticism, Journalism]. Moscow, 2011. 718 p. (In Russian)
 12. Platonov A. P. Chevengur: roman. Kotlovan; povest' [Chevengur : novel. Foundation Pit : novel]. Moscow, 2011. 608 p. (In Russian)
 13. Platonov A. P. Letter to M. A. Platonova. Tambov. January 25, 1927. "...Ya prozhil zhizn". *Pis'ma. 1920–1950* ["... I Have Lived My Life". Letters. 1920–1950]. Moscow, 2013, pp. 203. (In Russian)
 14. Platonov A. P. Letter to M. A. Platonova. Tambov. January 28, 1927. "...Ya prozhil zhizn". *Pis'ma. 1920–1950* ["... I Have Lived My Life". Letters. 1920–1950]. Moscow, 2013, pp. 211. (In Russian)
 15. Platonov A. P. 8th Notebook 1931–1932. *Zapisnyye knizhki: materialy k biografii* [Notebooks: Materials for the Biography]. Moscow, 2000, pp. 94–118. (In Russian)
 16. Serafimova V. D. Leo Tolstoy and Andrey Platonov: Russia at the Turn of the Era: Poetics. Motives. Basic Ideas. Cross-Cultural Studies: Education and Science. Vermont, 2020, vol. 5, no. 3, pp. 15–31. (In Russian)
 17. Sergeenko A. P. "Khadzhi Murat" L'va Tolstogo. Istoriya sozdaniya povesti ["Hadji Murat" by Leo Tolstoy. History of the Creation of the Story]. Moscow, 1983. 339 p. (In Russian)

REFERENCES

18. Suvorin A. S. Dnevnik Alekseya Sergeevicha Suvorina [The Diary of Alexey Sergeevich Suvorin]. Moscow, 1992. 666 p. (In Russian)
19. Tolstaya-Segal E. D. "Elemental Forces": Platonov and Pilnyak (1928–1929). *Andrey Platonov. Mir tvorchestva* [Andrey Platonov. *The World of Creation*]. Moscow, 1994, pp. 84–104. (In Russian)
20. Tolstoy L. N. Collected works : in 22 vol. Vol. 8: Anna Karenina. Moscow, 1981, pp. 7–478. (In Russian)
21. Tolstoy L. N. Collected works : in 22 vol. Vol. 22: Dnevniki. 7–8 marta 1910 g. [Diaries. March 7–8, 1910]. Moscow, 1985, pp. 369. (In Russian)
22. Tolstoy L. N. Collected works : in 22 vol. Vol. 18: Pis'mo A. A. Tolstoy. Moskva, 18–20? oktyabrya 1857 g. [Letter to A. A. Tolstoy. Moscow, October 18–20? 1857]. Moscow, 1984, pp. 492. (In Russian)
23. Tolstoy L. N. Collected works : in 22 vol. Vol. 12: Khozyain i rabotnik [Master and Man]. Moscow, 1982, pp. 297–341. (In Russian)

Информация об авторе:

Кириллина О. М. — кандидат филологических наук, профессор межфакультетской кафедры гуманитарных дисциплин.

Information about the author:

Kirillina O. M. — Candidate of Philological Sciences, Professor of the Interfaculty Department of Humanitarian Disciplines.

Статья поступила в редакцию 10 января 2023 года; одобрена после рецензирования 07 февраля 2023 года; принята к публикации 08 февраля 2023 года.

The article was submitted January, 10, 2023; approved after reviewing February 07, 2023; accepted for publication February 08, 2023.

